

2015
№ 1

Геологическое наследие северо-востока Европы. Россия

Скращение судьбы: Шренк – Артемьев

С. Добряков. Над Полярным Уралом

Геологическое наследие
северо-востока
Европы. Россия
Geoheritage
of European
North-East. Russia

№ 1. 2015

Номер подготовили:
редактор-составитель
П. П. Юхтанов
верстка
А. Ю. Перетягин

На обложке:
Мост через р. Воркута, соединявший пос. Рудник и г. Воркуту.
Памятник жертвам
политических репрессий.
Фото П. Юхтанова

Коми республиканское отделение
ВОО «Русское географическое общество»
Институт геологии Коми НЦ УрО РАН
Российская рабочая группа ProGEO

Содержание:

Герасимов Н. Н.
Скращение судеб: Шренк — Артемьев
Шренк А. И.
Путешествия и остановки англичан
в Печорском крае в 1611—1615 годах.
Перевод Б. Н. Артемьев

Сыктывкар

2015

Герасимов Николай Николаевич. После окончания геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова – геолог, генеральный директор ОАО «Полярноуралгеология» (г. Воркута), министр промышленности и энергетики Республики Коми, директор по работе с регионами ООО «РН – Северная нефть» (г. Сыктывкар). Кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог РФ. Автор и соредатор большинства литературных геологических альманахов РК.

Скрещение судеб

*Ты не почитай себя стоящим
Только здесь вот, в сущем,
настоящем,
А вообрази себя идущим
По границе прошлого с грядущим.*

Леонид Мартынов

Работая над подготовкой книги по истории геологической службы Республики Коми «ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ» и занимаясь персоналиями геологов гулаговской эпохи, в биографических материалах о Борисе Никандровиче Артемьеве я прочел едва приметную строчку: «...перевел второй том А. И. Шренка «Путешествие..», рукопись перевода находится в фондах объединения Полярноуралгеология» (Ныне в геолфондах Республики Коми). Мимо такой новости я пройти не мог, и когда выше означенный том был отправлен в свободное плавание, я обратился к друзьям, так что через некоторое время держал заинтересовавший меня отчет в руках: «ПУТЕШЕСТВИЯ И ОСТАНОВКИ АНГЛИЧАН В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ В 1611—1615 годах / Перевод с немецкого по второму тому работы А. Шренка: « Путешествие к северо-востоку Европейской России, через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 г. Издано в Дерпте в 1858 г. Перевод Б. Н. Артемьева.» На титуле, как и положено, прямоугольный бирюзово-синий штамп КАБИНЕТА ФОНДОВ Геолого-Разведочного Отдела Воркутпечлага НКВД, Шифр 00-00-А, Инв. № 877 (перечеркнутый) и его после гулаговского наследователя ОТДЕЛА ФОНДОВ Коми-Ненецкого территориального геологического управления Главуглегеологии РСФСР, Инв. № 670.

Отчет мной был прочитан вздохом: я всматривался в плотно сбитый текст, рас-

шифровал отдельные буквы, слова и фразы, порой едва пробитые сквозь пересохшие ленты какой-то допотопной машинкой; делился рукописью с друзьями (вряд ли у нее было больше читателей за весь предшествующий период, чем за эти полгода!); возвращался к широко издаваемому в последние годы Шренку и увязал в новых и новых вопросах, выраставших в связи с ее прочтением.

Судьбы двух исследователей Печорского края — АЛЕКСАНДРА ШРЕНКА и БОРИСА АРТЕМЬЕВА — одного всемирно известного, в двадцать один год совершившего беспрецедентное путешествие к самоедам, вписавшего имя в историю исследования края и другого, маститого геолога, пришедшего в эти места столетием позже по этапу, едва не стертого в лагерную пыль, и в этих условиях находившего время на Шренка — скрещиваются, дополняют одна другую, перехлестываются через объединившую их работу в одну, имя которой — беззаветное служение России! Данный перевод делает их неразлучной связкой на тернистой тропе истории Печорского края.

И если биография Александра Ивановича (Александра Густава фон Шренка) на слуху у специалистов, прописана во всех мало — мальских энциклопедиях и справочниках (его путешествие стало каноническим, скромные тиражи его первого тома издаются по сей день и не потеряли актуальность), то имя Бориса Никандровича Артемьева остается для широкого исследователя почти неизвестным. Пользуясь случаем, я в этом очерке постараюсь восстановить память об этой яркой, трагической, типичной для российской интеллигенции начала двадцатого века, необъятной эрудиции и кругозора Личности, внесшей весомый вклад и в геологию и в культуру нашего региона.

БОРИС НИКАНДРОВИЧ АРТЕМЬЕВ — геолог милостью божьей, доктор геолого-минералогических наук — родился в Нарве в 1884 г. в дворянской семье. Из служебной карточки А. известно, что отец — военный, после революции находился в эмиграции. С юности Б. Н. свободно владел немецким, английским (несколько хуже — французским) языками. Заканчивает вначале Московское высшее техническое училище, а в 1910 г. Саксонскую горную академию во Фрайберге (Германия) по специальности «геология цветных и редких металлов», что уже говорит о фундаментальности базового образования, положившего начало блестящей карьере геолога-рудника.

Б. Артемьев начал путь на Урале — ассистентом в акционерном обществе Кыштымских заводов, затем геологом Русско-Азиатского акционерного общества (а это Верхне- и Нижне-Кыштымские заводы по производству бессемеровской стали и Нязепетровский и Теченский заводы листового железа, Каслинский завод по производству литых заготовок, золотые руды и россыпи Соймоновой долины, поиски на медь). В 1914 г. он становится геологом и управителем рудников в Ревдинском горном округе; в 1917—20 гг. работает начальником геологического отдела Николаевских заводов в Иркутской губернии.

Последующие шесть лет посвящены работе в Иркутском геологоразведочном комитете (заведующий отделом прикладной геологии, геолог, заведующий бюро) с одновременным заведованием кафедрой геологии в Восточно-Сибирском политехническом институте (1922—23 гг.). Восхищает список научных работ этого периода: «Минеральные ресурсы Бурято-Монгольской автономной области» (1922), «Рудоносные районы Лено-Байкальского края» (Иркутск, 1925), «Очерк геологического строения и полезных ископаемых Ольхонского края» (Иркутск, 1927), « Новые дан-

Сотрудники научно-исследовательского отдела Полярно-Уральского геологического управления (ГРУ) Комбината Воркутауголь.

Сидят (слева направо): Б. Н. Артемьев, Х. Р. Домбровская, Н. Т. Рязанская (Хайцер), К. Г. Войновский, А. Н. Шулепова, Л. К. Смирнова. Стоят (слева направо): В. В. Погоревич, Г. И. Дембская, Е. В. Погоревич, Т. П. Тряпкина (Истомина), Г. И. Бугаенко, А. В. Македонов, Г. Никифорова, И. Г. Бергер. Воркута, 27 мая 1950 г.

ные об Ононском месторождении олова» (Вестник Геолкома, 3, 1926).

С 1926 по 1934 гг. Артемьев работает в Ленинграде: Геолком — Институт цветных металлов — Центральный научно-исследовательский геолого-разведочный институт (инженер-геолог, заведующий Сибирской секцией, кабинетом редких и малых металлов). При этом он по совместительству работает консультантом в Североземельской экспедиции Всесоюзного Арктического института (ВАИ) Главсевморпути (1933 г.), а затем в знаменитой Таджико-Памирской экспедиции того же института в 1934—1935 гг. (где начиналась феерическая карьера моих МГУ-шных учителей- академика Владимира Ивановича Смирнова и профессоров Николая Порфирьевича Ермакова и Георгия Павловича Барсанова. Не исключено, что они встречались). В Российской государствен-

ной библиотеке есть в наличии его работы этого времени: «ОЛОВО», написанная в соавторстве с И. Е. Спектором при участии С. С. Смирнова, и «ЛИТИЙ» (Л. «Советский печатник», 1935).

С 1934 по 1937 гг. Борис Никандрович возглавляет и является научным руководителем Чукотской полярной экспедиции ВАИ главного управления Главсевморпути.

Год 1937-й. Арест. Осужден спецколлегией областного суда Балтийского Морского и Северо-Западного речного Главных бассейнов 01.08.1937 г. по ст. 58, пункт 7 («вредительство») на 10 лет исправительно-трудовых работ и 5 лет поражения в гражданских правах. Что лежало в основе дела, где оно, можно ли в него заглянуть — вопрос к историкам. Но «букет» прегрешений предшествующей жизни «тянул» ни на один пункт: и принадлеж-

ность к дворянству, и эмиграция отца в гражданскую войну, и работа в компаниях, владельцами которых были представители американского капитала вплоть до будущего президента Г. Гувера, и «проживание на территории, занятой войсками Колчака»... Правило «был бы человек» в те времена было поставлено на поток, исключений не допускало.

Получив свои «законные», Артемьев оказывается в Воркуте, в Ухтпечлаге, проведя их в лагере от звонка до звонка. Голгофу свою переносил тяжело, страдал истощением, помощи ниоткуда не получал. Иван Николаевич Сулимов вспоминает, что Артемьев «постоянно вылизывал жестяной котелок после съеденной баланды из голов соленой трески, надеясь пополнить желудок дополнительными калориями». Резонен вопрос, почему при такой острой нехватке специалистов-геологов в Печорском бассейне его никто в течение всего срока не вытянул из этого ада — ни знаменитый генерал Мальцев, ни Войновский-Кригер, которому удалось привлечь и спасти десятки специалистов?

В 1947 г. по окончании срока «освобожден и зачислен в комбинат «Воркутауголь». Приказ № 70 от 05.04.1947 г.». Принят геологом в научно-исследовательский отдел комбината к Константину Генриховичу Войновскому-Кригеру (еще одно скрещение судеб!) и по его рекомендации ведет курс коллекторов, читает курс петрографии, минералогии и кристаллографии (конспект лекций по петрографии хранится в геологическом музее им. К. Г. Войновского-Кригера).

После вынужденного перерыва Борис Никандрович активно занимается геологической деятельностью: его работа «Акцессорные минералы магматических и метаморфических пород Полярного Урала», явившаяся результатом четырехлетних исследований на лично собранном в

бассейне рек Лонгот-Юган и Б. Харбей и изученном громадном фактическом материале, воплощенном в отчет в 1951 г. и на сегодня является классикой жанра. Он консультирует своих коллег по вопросам минералогии и рудообразования, рецензирует их отчеты, содействует работе почти всех партий Полярно-Уральской экспедиции, предвосхищая прогноз провинции на железо, никель, медь и другие ископаемые. Не будет преувеличением, если назову Бориса Никандровича соратником, а точнее соавтором Войновского-Кригера по созданию первого геологического музея в Коми республике, ставшего за эти годы частью духовной культуры заполярной Воркуты — ему отданы последние годы, в него вложены опыт, знания, душа этого неординарного Исследователя, Учителя, Гражданина.

Б. Н. Артемьев умер в Воркуте в 1955 г. и похоронен на Руднике на старом кладбище «Ерань».

Реабилитация пришла через год после смерти. Два горных ручья-притока Б. Минисея на Полярном Урале, где он в 1947 г. обнаружил никеленосную жилу, названы коллегами Большой и Малый ручьи Артемьева — вот и вся память о нем.

Во времени затерялись следы двух дочерей — Артемьевой Галины (1911) и Милицы (1913), рожденных от Ольги Фердинандовны (Линк): если они сумели протянуть свои пути через жестокий двадцатый век, значит поколение внуков и правнуков сегодня живет на Земле. Хранят ли они память о своем именитом предке?

Но вернемся к рукописи.

Прежде всего скорректируем предшественников: переведен не второй том, а одна из глав его, в которой А. Шренк обобщает сведения далеких путешественников начала 17 века — английских купцов, посланников, капитанов-флибустьеров, описавших жизнь, быт, связи обитателей

будущей Тимано-Печоры. Выбор Артемьева, остановившего взгляд именно на ней, не случаен: как-никак, новая родина, истоки которой надо знать, а жить здесь предстоит долго — если не всегда.

Я нигде не нашел сведений о времени перевода, но не сомневаюсь, что это воркутинский, послелагерный период, а скорее всего — музейные годы работы.

Он делается с немецкого издания 1858 г. (хорошие книги попадали в Воркуту!), выпущенного тремя годами позже, чем знаменитый первый том, который был уже напечатан на русском в Санкт-Петербурге в типографии Григория Трусова и за который Шренку была вручена демидовская премия. Были ли у Артемьева замыслы перевести весь том, не знаю. Да и сведений о полностью переведенном втором томе, дошедшем до печати, я не почерпнул ни у историков, ни в интерне-

те, что резко усиливает значимость проделанной Борисом Никандровичем работы.

Все это вместе взятое предопределило подготовку и издание рукописи Бориса Никандровича Артемьева.

Использованные источники:

Крочик М. Н. Первый музей в Заполярье. // Газета «Республика» 12 мая 2007; рубрика «Дым Отечества».

Маркова Е. В., Войновская К. К. «Константин Генрихович Войновский-Кригер. Москва. Наука, 2001.

Сулимов И. Н. Эхо прожитых лет, или воспоминания о Воркутлаге. Одесса. 1977. Вып. 4.

Шулепова А. Н. Начало. // Газета «Геолог Севера» 17 мая 1990

Шулепова А. Н. Первый геологический музей в Республике Коми // Газета «Геолог Севера» 1 декабря 2000.

ШРЕНК Александр Иванович (Александр Густав фон Шренк) родился 4 февраля 1816 г., в имении Тризново Одоевского уезда Тульской губернии — умер 25 июня 1876 г., похоронен в Дерпте (ныне Тарту, Эстония).

В 1837 г. А. И. Шренк, в возрасте двадцати одного года, закончил Дерптский университет со степенью кандидата философии и поступил на службу в Ботанический сад в Санкт-Петербурге. В этом же году он отправился в первое свое путешествие по северной окраине России: через Архангельск и Мезень к реке Печоре и с. Усть-Цильма, далее через Большеземельскую тундру, исследовал южную часть острова Вайгач, затем повернул на юго-восток для исследования северной части Уральских гор, и оттуда через Пустозерск, Мезень и Архангельск вернул-

ся в Петербург. Во время своего семимесячного путешествия А. Шренк собрал большое количество научных материалов по ботанике, зоологии, минералогии, этнографии и др. По материалам поездки была издана двухтомная монография на немецком языке, удостоившаяся в 1850 г. почетной Демидовской премии Академии наук. Этот труд долгое время оставался основным ботаническим трудом по северным районам европейской части России. В 1855 г. первый том был издан в Петербурге на русском языке, а второй — до сих пор не переведен.

В 1839 г. А. Шренк совершил путешествие в Финляндию, а в 1842 — по заданию Петербургского Ботанического сада — в Джунгарию и Киргизские степи.

В 1840—1843 гг. совместно с ботаником К. Мейнсгаузенем совершил ряд путешествий по сибирской линии и киргизкайсакской степи. Его экспедиции в степь сопровождали и охраняли сибирские казаки. Результатом его знакомства с бытом казаков явилась уникальная коллекция сибирских казачьих песен. Восемь песен в его коллекции были им лично пронотированны. Коллекция песен сибирских казаков хранится в архиве Русского географического общества (АРГО).

В 1848 г. А.И. защитил диссертацию в Дерптском университете и был утверждён в звании приват-доцента. Преподавал палеонтологию, минерологию и геологию.

— 462 —

VI.

Reisen und Aufenthalt der Engländer im Pécóra-Lande, in den Jahren 1611 — 1615.

(Im Auszuge aus „Purchas his Pilgrims.“ London. 1625. V Vol. fol. — Vol. III. p. 530—536.)

Im Jahre 1611 hatte die russisch-englische Handelskompanie zu London, deren Präsident damals Sir Thomas Smith war, zweifelsohne in der Hoffnung auf bedeutende Vortheile, die ihr aus dem nordischen Pelzhandel erwachsen würden, eine direkte Handelsverbindung mit dem äussersten Nordosten des europäischen Russlands zu versuchen beschlossen und rüstete, in Folge dieses Beschlusses, ein Schiff aus, das unter dem Kommando des Kapitän James Vadun die Reise an die Mündung der Pécóra unternahm. Ueber diese Reise nun, so wie über den Aufenthalt der Kaufleute in Pustosérsk, haben wir verschiedene Berichte erhalten, die zusammengenommen über den damaligen Zustand des europäisch-russischen Nordostens, insbesondere aber des Pécóralandstrichs, das lehrreichste Bild geben, das wir aus jener Zeit besitzen, ja das überhaupt von dem so lange wie vergessen gelegenen Erdtheil jemals entworfen ward, Berichte die aber dessenungeachtet weder von Adelung noch von J. R. Forster, in deren Geschichten der Schifffahrten und Entdeckungen im Nordosten, noch auch endlich von unserem neuesten Geschichtschreiber der Reisen nach Nówaja Sémlá und an die benachbarten Küsten, von Hrn. Lütke, in seiner trefflichen kritischen Zusammenstellung, benutzt worden sind. Es konnten aber diese Nachrichten nicht nur über Handel und Wandel der Bewohner, sondern auch über die geographische Lage der Gegenden viele und wichtige Aufschlüsse gewähren, obschon Niemand der alten Kartenscheiner sie darin gesucht hat; und man kann in der That sich nicht genug

Первая страница главы VI (второго тома монографии А. И. Шренка), переведенной на русский язык Б. Н. Артемьевым

В 1852 г. защитил ещё одну диссертацию — на степень магистра и через год был избран ординарным профессором минералогии. В 1853 г. избрание его профессором не утвердили, и он на 16 лет уединился в своем поместье в Лифляндии, занимаясь разбором собранных материалов.

6 ноября 1859 г. император Александр II пожаловал А. И. Шренку дворянскую грамоту. В последние годы жизни А. Шренк увлекался поэзией, выпустил два стихотворных сборника на немецком языке.

Информация о А. И. Шренке была почепнута из книги «Республика Коми. Энциклопедия.» Сыктывкар, 2000, а также с Интернет-ресурса «Википедия». К сожалению, книга о жизни Александра Густава фон Шренка пока не написана.

Сочинения А. И. Шренка:

Reise nach dem Nordosten des europaischen Russlands, dureh die Tundren der Samojuden zum arktischen Uralgebirge, Dorpat, Erster Theil, 1848, XLIV, Zweiter Theil, 1854, IV;

Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 г. // СПб.: Пер. с нем. в тип. гр. Трусова, 1855. 665 с.

**ПУТЕШЕСТВИЯ И ОСТАНОВКИ АНГЛИЧАН
В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ
в 1611–1615 годах**

(Выдержки из «Торговые операции путешественников» —
Лондон, 1625 г., т. V и III, стр. 580–558).

(Перевод с немецкого по второму тому работы А. Шренка:
«Путешествие к северо-востоку Европейской России,
через тундры самоедов к северным Уральским горам,
предпринятое по высочайшему повелению в 1837 году».
Издано в Дерпте в 1858 г.

Перевод Б. Н. Артемьев

В 1611 году английской торговой компанией (ее председатель в то время — сэр Томас Смит) было принято решение завязать прямую торговую связь с крайним северо-востоком Европейской России, несомненно, рассчитывая на большие выгоды от северного пушного промысла. В результате этого решения был снаряжен корабль, который совершил плавание к устью реки Печоры под командой капитана Джемса Вадуна.

Мы имеем по поводу этого путешествия, а также по поводу остановки английских купцов в Пустозерске несколько отчетов; совокупность их дает исключительный по ценности материал в смысле освещения состояния в начале XVII века Крайнего Северо-Востока Европейской России, особенно же, Печорского края. Пожалуй, данные отчетные материалы являются единственными документами, освещающими состояние этой далекой окраины в те далекие годы. Однако данные отчеты не были в свое время использованы ни Аделунгом, ни Р. Форстером в их работах по истории мореплавания и открытий на северо-востоке, ни нашим современником г-ном Литке, давшим в описаниях путешествий на Новую Землю и на прилегающее побережье замечательную критическую сводку.

Из данных отчетов можно было бы почерпнуть много ценных сведений не только о торговле и кочевниках — обитателей этой страны, но и о ее географическом положении, поскольку никто из старых составителей карт подобных географических данных не собирал; и можно лишь без конца удивляться тому, что на все карты того времени нанесены плоды Фантазии лжеца Мартильера, что такие люди, как Витсен — болтают о каком-то Папиногороде и о каких-то Отченашевых горах, что даже Бюффон — большой ученый прошлого столетия, свои данные о Крайнем Севере черпает из этих басен, в то время, как отчеты плавания корабля «Amitié» — действительно правдивые и интересные, использованы были в такой слабой степени. А, между тем, они до нашего дня не потеряли своей ценности.

Все это дает мне основание дать в переводе выборку наиболее интересного материала из вышеупомянутых материалов, сопровождая их в необходимых случаях моими личными замечаниями. Эти выборки должны представлять для моих читателей несомненный интерес, т. к. они дают материал о тех же местах, которые через 250 лет были посещены мною и описаны в 1 томе настоящего труда.

Отчет о первом плавании в 1611 году принадлежит Вильяму Гудрону из Гулля — первому штурману на корабле. Далее следует отчет Рихарда Пинча о том же плавании и заметки Иосифа Логана и Вильяма Пурзглова, зимовавших в Пустозерске, или, вернее, проживших там целый год с 1611 по 1612 г., и наконец — дневник и путевые заметки уже вышеупомянутого Вильяма Гудрона, совершившего путешествие из Пустозерска в Роговой городок через Большеземельскую тундру. Вильям Гудрон после своего первого отчета о путешествии в 1611 году (впоследствии 1611 — 1615 гг.), опять провел целый год на устье реки Печоры.

Поездка на Печору, описанная Вильямом Гудроном из Гулля

(«Торговые операции путешественников»,
Лондон, 1625 г., т. V и III, стр. 280—556)

11 апреля (1611) на корабле «Amitie», стоявшем на реке Темзе, под командованием капитана Джемса Вадун мы плыли вдоль берегов Англии, Шотландии, Норвегии и Финмаркена и 11 мая находились на широте 71°40′.

13 мая мы стояли у отмелей Медвежьего острова (*Шери Айланд*) между Нордкапом и Шпицбергеном. Мы имели задание остановиться у острова, несмотря на то, что он лежал севернее нашего пути.

14-го к югу от острова мы встретились с кораблем «Елизавета» под командованием г-на Джонса Поэля. Корабль был направлен русскими купцами нашей торговой компании на крайний север на 80° широты для открытия новых земель.

15-го мы оставили нашу стоянку и продолжили наш путь к востоку — к реке Печоре.

23-го мы находились в Лапландии у острова Кильдин.

7-го мы недалеко от мыса Комфорис (*остров Кильцин — см. Литке в немецком переводе стр. 15*) встретили корабль из Амстердама; мы передали на корабль наши письма для г-на Джона Мерике — английскому агенту компании в Колмогро (*Холмогоры*).

8-го мы отплыли при ветре юго-восточного направления.

9-го мы оставили берега Лапландии и пересекали Белое море по направлению к мысу Кандинос (*Канин Нос*), который при испорченном выговоре называется «Каллинос».

11-го мы остановились у мыса Каллинос.

12-го мы высадились на берег, чтобы сделать запасы топлива и воды. Здесь мы нашли большое количество плавника. На западном берегу Каллиноса находилось 10 русских лодок, направляющихся из города Пинеги на Новую Землю для охоты на моржей. Самая крупная из лодок подымала груз от 14 до 15 тонн. Мы имели с охотниками беседу и ознакомились с их снаряжением, состоявшим из копий и гарпунов разнообразных форм. Продовольственные запасы их состояли из сушеной рыбы, масла, вяленого мяса (бекон) и муки. Их напиток — квас.

16-го мы взяли наш курс на остров Колгонен (*Колгуев*), однако благодаря наличию тяжелого плавучего льда, должны были стать на якорь.

17-го мы сошли на берег у одной реки, которую мы назвали рекой Хаклуитс. Здесь мы увидели несколько самоедов с их животными. Самоеды при нашем приближении бросились в бегство вглубь страны, унося с собой все, что они могли захватить. Многие, однако, они оставили на месте — так, например, луки, стрелы, длинные копья, железные гарпуны, буравы, моржовые шкуры. Все это лежало разбросанным в беспорядке. Мы, однако, не допустили того, чтобы кто-либо из наших людей что-нибудь взял.

18-го мы бросили якорь у берега, где в это время находились лодки из Пинеги. Люди, как только нас увидели — ушли, однако ночью вернулись обратно. Некоторые из мужчин посетили нас на нашем корабле. Они сообщили нам, что плавучий лед препятствует их дальнейшему продвижению. Они направлялись в Шарскую губу (*Карская губа*) на ловлю рыбы Омили (*Омуль*) и для боя моржа.

20-го я и г-н Иосиф Логан направились вглубь страны и на 67°40′ долготы дошли до большой реки, где нашли следы пребывания человека. Здесь мы сами видели плавающи-

ми четыре или пять больших белых рыб длиной от 4 до 5 ярдов. Русские называли эту рыбу «Белуга»*. Они вытапливают из нее жир, что мы впоследствии попутно видели на Печоре.

22-го мы направили свой курс к острову Колгойен, однако, видя впереди себя много плавучего льда, мы свернули наши паруса и пришвартовали корабль к одной из плавучих льдин.

С 24-го по 28-е мы с перерывами шли под парусами, однако густой туман и тяжелые плавучие льды неоднократно вынуждали нас бросать якорь.

29-го мы были в виду мыса Светинос (*Святой нос, севернее устья Индиги*). Льды вынудили нас обойти несколько западнее и стать на якорь. Я сошел на берег. Он был плоским и покрыт галькой белого мела (*галька горного известняка и огневого камня; см. т. 1 стр. 671*).

9-го июля мы уже находились у входной отмели реки Печоры. Я сошел на берег, где увидел три креста и встретился с несколькими русскими, шедшими по прибрежному песку. Один из них отправился на корабль, чтобы провести нас через отмель. Однако вскоре мы оказались на очень мелком месте и, не надеясь на его искусство, отошли обратно и бросили якорь на глубине 4 фатомов.

10-го мы измерили с помощью лота глубину отмели — 11, 10 и в одном месте даже 9 фут. Однако мы пересекли благополучно отмель, хотя в одном месте коснулись дна. После всего, мы бросили якорь.

11-го сломался прибрежный лед и пошел на нас с такой силой, какой мы не ожидали. Он отнес нас к песчаной банке, и корабль был посажен на дно, однако, без какого-либо вреда. В тот же день наш представитель Иосиф Логан и Вильям Логан направились в шлюпке к городу, расположенному у мелкого озера, которое русскими называлось Сухой Мори (*Сухое море т. 1—874*). Это очень удачное название, т. к. на западной стороне лежит сухая банка, а с восточной глубина всего лишь 2, 3 и до 4 футов. По словам местных жителей, устье реки состоит из 70 различных рукавов.

12-го мы переправились через Сухое Море и достигли рукава Печоры. Здесь мы увидели много небольших островов длиной 1—2 мили. Глубина воды в рукаве была настолько малой, что мы не могли достигнуть берега и поэтому простояли целую ночь на якорь.

14-го воспользовавшись очень большим приливом, мы смогли войти в один из главных рукавов реки. Здесь на берегу находился дом, в котором мы нашли двух мужчин с их семьями. Они приветливо нас встретили и знаками нам показали направление к городу.

15-го мы подошли к дому одного из видных жителей города, который приветливо нас встретил и обслужил с тем гостеприимством, какое вообще возможно в этом месте и в это время года. Наш хозяин занимался охотой на уток, лебедей и гусей. Это было как раз время года для такой охоты. Перо они продавали, а мясо вышеупомянутой птицы заготавливали впрок на зиму. Хозяин дал нам проводника для сопровождения в город.

16-го мы прибыли в Пустозерск, расположенный на озере. (*Пустозерский городок на озере «Пустое»*). Здесь мы не нашли никого из влиятельных людей города. Управитель города прошлой зимой разорил острог и скрылся. В течение нескольких дней мы не могли получить ответа — можем ли мы здесь остановиться, поскольку влиятельные жители города были на охоте и делали себе запасы продовольствия на зиму. Однако один из мест-

* Вероятно не белуга, а белуха — морское млекопитающее из семейства китообразных.

ных купцов послал к ним своих людей, чтобы узнать их (*влиятельных жителей города*) мнение по поводу нас. 23-го влиятельные жители вернулись, и нам было разрешено остановиться, и был для жилья предоставлен дом. Они же сообщили нам, что для нашей цели Печора более подходит, чем Двина, т. к. большинство товаров, направляемых на Двину в Колмогро (*Холмогоры*) в том или другом месте переплавляют через Печору.

25-го мы покинули город, захватив с собой с одной из местных лодок груз пера. Мы распрощались с Иосифом Логан, который остался здесь на зиму.

26-го мы вернулись обратно к берегу Болван, куда мы прибыли с двумя крупными шлюпками — каждый по 15 тонн груза, предназначенного для Мугунца (*Мангазея*).

27-го вечером мы достигли нашего корабля и ночью же приняли на борт груз пера, одновременно выгрузив в лодку муку, которую должны были отвезти.

29-го мы выгрузили товары, оставляемые для г-на Логана и подготовили корабль к плаванию, должны однако оказались, благодаря противному ветру, стоять на якоре до 1-го августа. Тогда же мы заметили две лодки, направлявшиеся в озеро на лов омуля. 31-го приплыли 24 лодки, все они направлялись в Мангазею, но вследствие противного ветра и позднего времени года были вынуждены прекратить дальнейший путь и вернуться в Пустозерск на зимовку. С этих лодок мы наняли одного человека для охраны грузов у Вильяма Пурзглова и Мармадука Вильсона, пока не прибудет нанятый нами шлюп для перевозки товаров в город; оба джентельмена вместе с Иосифом Логаном должны были остаться на зимовку. Указанные выше 24 лодки были с Колмогро (*Холмогоры*), Пинеги, Мезени и Пустозерска. Таким образом во время нашего прибытия в гавани Печоры здесь находилось около 30 лодок с командой от 10 до 16 человек, следовавших одни на Новую Землю, другие в Тасе-городок (*Тазский городок*) и третий — в район Мугузей (*Мангазея*) на Оби — все из Устюга, Колмогро (*Холмогоры*), Пинеги, Мезени и Печоры (*т. е. из Пустозерска*). У города мы встретили также около 50 каюков (*судно грузоподъемностью от 4-х до 7-и тонн*), которые были заняты ловлей семги и другой рыбы. Большинство этих суден прибыло из большого города Устюга и других городов того же округа на реке Юг. Судна опускались по реке Печоре вниз к берегу Болван и устью реки (*Печора?*), где они находили наиболее богатый улов рыбы.

1-го августа мы подняли якорь и счастливо пересекли печорскую отмель. Отсюда мы направили наш курс на Новую Землю, однако уже в полдень встретили плавучие льды, вынудившие нас сложить паруса и пришвартоваться к одной из льдин. Также и 2-го мы не видели какого-либо прохода между льдами, который позволил бы нам продолжать наш путь на север.

Поэтому мы решили изменить наш путь и направиться к Шери-Айланд (*Медвежий остров*), чтобы попробовать там получить добычу. Так мы шли под парусами и скоро вышли из льдов. 3-го мы были в видимости острова Колгостен (*Колгуев*). Определение места с северной стороны острова дало 69°20' северной широты. Берег — высокий и сложен глинами. Остров находится только в 30 морских милях от Печорской отмели.

5-го мы находились на 70°40', 6-го — на 72°34', 7-го — на 74°30', 10-го — на 74°57', 14-го мы бросили у Шери-Айланд якорь и пробыли здесь 12 суток для добычи, которую господь в наши руки пошлет. Однако ее было очень мало.

26-го августа ввиду позднего времени года мы оставили остров и взяли курс на Англию и 21 сентября вошли в Темзу.

Теперь обратим наши взоры к Крайнему Северо-Востоку, чтобы ознакомиться по отчету Ричарда Пинча с тем путем, которым следовали собравшиеся у устья Печоры многочисленные суда из разных городов Русского Севера — с путем к поселениям Оби и Таза и даже (как мы увидим из последующих отчетов) к берегам Енисея и Тунгузки — в сердце Сибири.

Плавание до Карского моря представляет собой уже проторенный путь*, идущий через Югорский шар в Карское море, далее, следуя по его западному берегу до Кары, в ее заливообразном устье, называемом «Карская губа», собралась вся флотилия.

...После того как они прибывают в Карскую губу, они поднимаются вверх по одной из рек. По этой реке они достигают «Мутной реки». Расстояние от Карской губы до Мутной — 20 морских миль. По Мутной вверх поднимаются бичерой 8 дней и 8 ночей и достигают двух озер, от одного конца которых до другого идут на веслах одни сутки (иначе в течение двух приливных периодов) — длина пути по этим озерам не более 10—12 морских миль. Достигнутый противоположный берег является волоком** («наволоком» — см. т. 1, стр. 608). Длина волока порядка 200 фатомов или 100 шагов (по другим данным того же отчета длина волока около 3-х верст.). Здесь суда разгружаются, ставятся на полозья и перетаскиваются по волоку объединенными усилиями команд 4-х или 5-ти лодок, на каждой из которых находится от 12—14 человек. В конце волока они достигают третьего озера, называемого «Зеленое озеро». Этот путь волоком вынуждает объединяться в группу из многих людей (артели), т. к. иначе добраться до Мангазея они не могут.

В конце Зеленого озера они достигают Зеленой реки, по которой спускаются вниз по течению. Однако для того, чтобы перебраться через многочисленные мели, им приходится часто разгружать на берег свои лодки от товаров и после прохода мелей опять их загружать. В связи с этими частыми разгрузками и погрузками, их путь до устья Зеленой реки продолжается 10 дней, хотя точно определен быть не может. В устье Зеленой реки они достигают Оби.

Выдержки из одного письма Ричарда Пинча к президенту Английско-Русской торговой компании Томасу Смитту, как дополнение к путевому отчету Виллиама Гудрона из Гулля в 1611 году (том I стр. 534—540).

Шлюпка, на которой Иосиф Логан, Виллиам Гудрон и Виллиам Пурзглов плыли к городу на Печоре, 11 июля в 30 верстах от города подошла к дому русского по имени Василия Дидилова — одного из виднейших местных купцов. Он в тот момент управлял городом, т. к. из Москвы для этой цели никто из благородных людей прислан не был.

Дидилов дал в качестве проводника им одного из своих людей, чтобы внезапное и неожиданное появление в городе не вызвало беспорядков. И все же появление англичан

* Который А. Шренк и опускает в переводе приводимого им отчета.

** Волок в системе реки Оби.

было причиной большой паники. Многие жители бежали с их женами в леса и там оставались до тех пор, пока один из наиболее влиятельных людей города не послал к другим купцам, державшимся в окрестностях. После того как все они вернулись, мистер Логан предъявил им привилегии, выданные Англо-Русской торговой компании последними царями. После того как они увидели эти привилегии и один из их среды (знакомый г-на Иосифа Логана) дал хороший отзыв о наших агентах, о г-не Мерике в Колмогро и вообще о нашей нации, жители города успокоились и указали нашим один из домов для жилья. Многие послали им хлеб и прочее мучное печенье, уток, рыбу и всякое другое продовольствие и относились к ним с гостеприимством, являющимся обычаем страны. Они не могли скрыть своего крайнего удивления — как наши люди нашли и добрались до города.

Что касается местных жителей, то не может быть никакого сомнения, что наша торговля в этих местах для их является весьма желательной. Но с другой стороны мы сильно мешали купцам края, точно также и тем, кто сюда приехал для торговли из разных местностей России, наконец, для тех, кто прибыл сюда летом по пути как в Мангазею, так и по пути в Пермь и Усть-Цильму. Все они здесь во время остановки занимались торговлей.

27-го наша шлюпка отправилась обратно к кораблю в сопровождении русской лодки, г-н Иосиф Логан отправил на корабль 40 мешков перьев белых полевых кур (*куропаток?*) и 170 шкурок песка. Если бы на Печоре, в Усть-Цильме и Перми у нас были бы свои агенты, обеспеченные деньгами и некоторыми товарами, то к зимнему времени мы могли бы сделать весьма прибыльные дела закупкой мехов соболя, бобра, песка, лисьих, оленьих и лосиных шкур и замши.

В последний день июля в печорскую бухту вошло 26 лодок из Устюга, Холмогор и Мезени, направлявшихся в Мангазею. Однако, ввиду позднего времени и противных ветров, пришлось прервать свое путешествие. Они дожидались первого попутного ветра, чтобы с ним добраться до Пустозерска, где предполагалось оставить товары до ближайшей весны, люди же рассчитывали подняться на небольших лодках по реке Пеоце (*Пезе*) и добраться до своих родных мест. Они расспрашивали нас, как мы сюда добрались, какая цель нашего приезда и когда мы думаем уехать обратно. Некоторые из них (мне кажется, что это были торговцы) интересовались разными товарами, которые они хотели бы у нас купить, как, например, материи, матерчатые шапки (?), оловянная посуда и особенно водка, я понял, что эти товары оплачиваются самоедами по высоким ценам. В то время, когда многие из этих людей были на нашем корабле, я слышал их разговор между собой о том, что «если эти немчины или вообще чужие будут посещать этот край, то мы вскоре можем остаться без куска хлеба». Подобные рассуждения я уже и раньше слышал.

Что касается до выгруженных на берег товаров, то мы собирались у русских нанять одну лодку для доставки нашего груза в город, поскольку это не было по пути и их лодки не были перегружены. Но они запросили цену 30 руб. или самое меньшее 25 и, кроме того, ставили условие, что люди каждой из лодок их каравана имеют право взять себе что-нибудь из наших грузов. Так как мы были в опасности вообще остаться без всего, больше мы по этому вопросу не поднимали разговора.

1-го августа мы, отправив обратно в Пустозерск г-д Виллиама Пурзглова и Мармадука Вильсона, подняли якорь, взяв курс на Новую Землю, однако вскоре были так заперты льдами, что в течение 21 часа не были в состоянии двинуться ни взад, ни вперед. Это было исключительно неблагоприятное лето, как для нас, так и для русских, направлявшихся в Мангазею, или пришедших для лова омуля или боя моржа. Поэтому мы оста-

вили мысль о путешествии на Новую Землю и направились к Шери-Айланд (*Медвежий остров*).

7-го августа я и Виллиам Гудрон сошли на берег на острове Колгуеве. Колгуев очень богат гусями, которых русские в это время года ловят сетями незадолго до начала перелета. Кажется здесь также много соколов — пару мы себе достали. (*Витсен говорит о соколах, которых посылают из северных местностей в Москву к царскому двору как дань*).

14-го августа мы достигли Шери-Айланд, но здесь было так мало моржей, что наша добыча во время остановки была очень небогатой. Поскольку, благодаря холодной погоды и штормов, и последние моржи ушли, и у нас была потеряна всякая надежда на лучшую добычу, мы опять подняли якорь и достигли Англии 26 августа 1611 года.

Теперь можно привести некоторые данные о Пустозерске, Усть-Цильме и Пермии.

Город Печора (Пустозерский городок) не велик и имеет три церкви. Большинство жителей бедны. Весной и большую часть лета они занимаются охотой на полевых кур (куропатов), гусей, уток и лебедей и получают ежегодно большую добычу. Мясо этих птиц засаливается впрок и служит пищей в течение большей части зимы, перо же собирается и продается специально приезжающим для этих закупок из Холмогор, Устюга и других мест купцам. Они имеют обыкновение давать охотникам небольшой аванс деньгами вперед. Один из местных жителей мне рассказывал, что перо полевых кур (куропатов) они продают людям из Холмогор за наличный расчет — 5 алтын (*алтын содержит 3 коп. медью*) за пуд, утиные же перья, а также гусиные за 7 и 8 алтын пуд. В прежние времена однако до того, как жители края ознакомились со стоимостью товаров, пуд перьев полевых кур продавался за два пенса в переводе на наши деньги, в то время, как в Холмогорах кусок мыла стоит 10 пенсов в переводе на наши деньги.

Примерно в 100 милях от Печоры по эту сторону находится место по имени Болвано (*сборный пункт в Болванской губе*), где бывает богатый лов семги, который начинается всегда не ранее 1-го августа. Часто во второй половине лета здесь так много семги, что одну рыбу можно купить за 4 пенса, иногда даже за один пенни в переводе на наши деньги. В очень удачные годы отдаются по смехотворной цене целые обозы рыбы. Здешняя семга жирна — 3 рыбы весят обычно один пуд, но не более. Состоятельные жители большую часть семги подсаживают. Они расходуют на 80—100 рыбин один пуд соли. В очень удачные по охоте рыбы годы часть добычи из-за недостатков соли выбрасывается, поскольку цена на соль возрастает, и ее воздерживаются расходовать на засолку рыбы. Добытую семгу жители Печоры доставляют сами на санях в оленьих упряжках в Мезень, а отсюда на санях же лошадьми в Холмогоры.

Многие жители Холмогор, Мезени и Пинеги также покупают на Печоре семгу. Они доставляют ее в зимнее время в Мезень. За перевозку от Печоры до Мезени платят за санную упряжку с одним оленем обычно 10 алтын. Расстояние равно 12 дням пути и санная упряжка с одним оленем подымает не более 7 пудов груза. От Мезени до Холмогор провоз груза, требующий 6 дней пути, оплачивается по 6 пенсов с одного пуда. Эти поездки совершаются два раза в год: первый раз за 6—8 недель перед Рождеством и второй — за 2—3 недели перед масленицей. Эти сроки местными жителями соблюдаются очень точно.

Большинство печорских жителей для этих перевозок употребляют собственных оленей. Некоторые из состоятельных жителей имеют от 20 до 40 оленей. Зимой они исполь-

зуются для поездок, летом же отдают их самоедам для пастбища. После того, как устанавливается зимний путь, эта местность посещается также многими купцами из России, которые скупают привозимые самоедами в большом количестве из тундры меха соболя, бобра, *grauverk*, черной, белой и бурой лисицы. Этот торг, однако, имеет место только зимой. Товары русских купцов — красные и желтые материи, однако, главным образом, торговля идет на русские деньги, которые высоко ценятся местными жителями, т. к. они очень выгодны для меновой торговли с самоедами.

Товары, которые направляются на Печору и в Мангазею из Вологды, Устюга, Холмогор, Пинеги и Мезени, следующие: мука, соленое и копченое мясо (*бекон*), масло, поджаренная овсяная мука (*толокно*) и соль, а также некоторое количество *дрожжей* (?), кожи, материи и сходные с нашими товары. Все это продается в Мангазее по высоким ценам, на Печоре же эти товары по сравнению с Мангазейскими ценами иногда могут быть проданы дороже, но иногда и с убытком.

Ежегодно в Мангазею направляется флотилия не менее 30 лодок. И в те годы, когда такой караван из-за противных ветров и позднего времени года вынужден остановиться на Печоре (как это случилось в этом 1611 год), мука, копченое мясо и проч. товары здесь становятся очень дешевыми.

Требуется очень небольшое количество муки, чтобы удовлетворить нужды местных жителей, тем более, что большая часть их привыкла заменять хлеб свежей и копченой рыбой, которой они за лето обеспечивали себя вдоволь. Для того чтобы обеспечить Печору (*Пустозерск*) товарами, достаточно было в летнее время направить самое большое два судна, т. к. в эти годы часть города сгорела и не было управления городом. Как будто купцы, направлявшиеся в Мангазею, поняли, что у них нет никаких шансов ликвидировать свои товары, по сколько-нибудь приемлемым ценам и что у них нет другого выхода, как сложить товары на местных складах до весны, когда можно будет продолжать путь в Мангазею.

Дальше, за городом Печорой (*Пустозерск*) находится поселение, которое русскими называется Усть-Цильма. Оно находится от Печоры как раз в таком расстоянии, в каком находится Устюг от Холмогор и тоже до него нужно подниматься вверх по реке против течения, а зимой на санях в оленьей упряжке. В Усть-Цильме имеются большие запасы замши, а также мехов бобра, белой и бурой лисицы, а также и других зверей, в особенности много *grauverk*. Все, с кем мне по этим вопросам пришлось говорить, отмечали большое количество мехов, так что, если бы в этой местности был бы на зимнее время агент, то можно было бы и закупить много мехов по умеренным ценам.

Кроме вышеперечисленного, здесь можно купить оленьи и лосевые шкуры, которые доставляются сюда зимним путем на санях из Перми. Этот город отсюда расположен недалеко*.

Однако для покупок этого товара более целесообразно самим поехать из Усть-Цильмы в Пермь, где и выбор товара более богатый и цены значительно ниже, и русские купцы тоже направляются в зимнее время в Пермь для закупки шкур. Они добираются до Перми во второй половине зимы на санях. Вверх по реке на санях путь продолжает-

*Под Пермью, по-видимому, нужно понимать находящиеся в сторону Перми зырянские поселения. Во всяком случае, в этих местах нигде не употребляется название «зыряне». Этому названию в данных отчетах везде соответствует наименование «Пермяки».

ся в течение 2-х или 3-х дней. После прохода льда они грузят свой товар на досчанике и сплавляют его по этой реке в Двину, а по Двине в Холмогоры и Архангельск.

В зимнее время можно у самоедов купить слоновую кость, которую они продают (как мне говорили) по очень низкой цене не на вес, а штучно, т. к. они ее находят в тундре. По-русски они называют ее «мамонта каост» (*мамонтовая кость*).

К этому отчету автор дает следующие приложения:

1. Наименование разных мест на побережье на пути от Мезени до Печоры.

Между прочим, из этих записок мы узнаем, что вдоль той части побережья, которая называется Колоколкова, имеется много песчаных холмов (вероятно песчаных дюн), которые по форме напоминают опрокинутые колокола, откуда и берег получил свое название.

2. Данные о лоции между Печорским заворотом и Пустозерском.

3. Наименование местностей на пути от Печорского заворота до Мангазеи. Ниже дается описание пути в Мангазею, совершаемого русскими промышленниками, а также расстояние между отдельными пунктами. Но более интересными является описание тяжелого водного пути по речкам и озерам Ялмала, к устью Оби (см. выше выдержки из отчета Р. Пинча; стр. 170). Автор рассказывает далее:

Под наименованием Мангазея русскими объединяется совокупность поселений — небольшой крепости Тазве — городок (*Тазовский городок*) вместе с ближайшими слободами и деревнями. Далее люди из Мезени (от которых я почерпнул эти сведения) мне рассказывали, что зимой в Мангазею приезжают также купцы из Сибири для закупки собольих мехов, которые в Мангазее считаются лучшими по всей Сибири. И самоеды, живущие по побережью материка против острова Вайгача, также направляются в район Мангазеи со своими оленями для охоты на соболя и другого пушного зверя. Свою добычу они около масленицы привозят в Мезень для продажи, однако остаются здесь лишь столько времени, сколько это требуется для завершения торговли. После этого они торопятся возвратиться домой.

Зимой в Мезени можно купить также большие партии меха белки, бобра, а также соболя. Мезень лежит на пути всех путешественников, едущих зимой из Мангазеи, Сибири, с Печоры и Усть-Цильмы. Здесь им приходится нанимать лошадей для дальнейшего пути в Холмогоры. Поэтому Мезень в это время всегда забита всякого рода меховыми товарами, особенно же замшей. Я узнал также, что купцы из Холмогор и других частей России, продавшие нам меха, покупали таковые преимущественно здесь, в Мезени. Для этих торговых операций они и приезжали сюда окончательно на зиму.

Для жителей Мезени было бы поэтому весьма желательным, если бы англичане завели торговлю в их городе, а мы могли бы здесь закупать все виды меховых товаров по неизмеримо более низким ценам, чем в Холмогорах, а в весеннее время к тому еще большие партии ворвани и оленьих шкур. Все это теперь им приходится ежегодно возить в Архангельск.

4. *Путешествие из Мезени вверх до Усть-Цильмы и Пустозерска на маленьких лодках, называемых также каюками.*

Путешествие мистера Иосифа Логана на Печору и его зимовка на Печоре совместно с г-дами — Виллиамом Пурзгловым и Мармадук Вильсоном в 1611 году (см. 1 стр. 511—516).

Сперва автор излагает уже известное нам из отчетов Гулля и Пинча обстоятельства их прибытия в Пустозерск. Жители, находившиеся в разбросанных по берегам Печоры домах, были охвачены неопишимым страхом — прибытием неожиданных неизвестных гостей и были уверены, что англичане прибыли, чтобы их ограбить. Дело чуть-чуть не дошло до стрельбы. Однако скоро были завязаны знакомства, волшебная же сила водки, которую пришлось раздарить широкой рукой, рассеяла все сомнения и обернула глубокое недоверие в дружеские чувства. Гости, в конце концов, были окружены вниманием и всеми признаками гостеприимства. Им были даны необходимые указания о том, как добраться до города. Ниже мы передаем содержание разговора, который путешественники вели на последней остановке перед городом.

На вопрос — откуда мы и чего мы здесь хотим, мы отвечали, что мы англичане и что мы прибыли сюда для торговли, т. к. очень много слышали о здешних местах. На это разговаривавший с нами ответил, что в прежние времена здесь были очень хорошие условия для торговли, но что сейчас все стало по иному. Злодей воевода в эти годы беспокойства и волнений из злобы поджег город, в результате чего сгорело около 100 домов, жители же вследствие этого впали в бедноту, а торговые возможности в силу этого очень ухудшились. Все же у жителей имеется большой запас семги, т. к. прошлый год было поймано около 15 000 шт. В зимнее время бывает крупный базар, на котором приезжающие из разных мест самоеды привозят меха соболя, бобра, песца, а также перо и замшу. Мы у него поужинали и за ужин подарили один галлон водки, 40 штук белых сухарей и 3—4 фунта изюма: мы были осведомлены, что он один из наиболее видных граждан города. Он снабдил нас также проводником, который должен был сопровождать нас до города, чтобы успокоить жителей, которые в связи с войной с поляками, стали очень недоверчивыми по отношению к иностранцам.

16-го после обеда мы достигли города Пустозерска. Число домов, построенных по русскому обычаю исключительно из дерева, достигало 180, а количество жителей по сравнению с числом домов было очень малым. Большинство жителей отсутствовало. Часть была на охоте на моржей и белух, некоторые на омулевом промысле, иные, наконец, на охоте за утками. Бывшие здесь несколько купцов и 3—4 других человека были так испуганы нашим появлением, что собирались броситься в бегство, несмотря на то, что они увидели одного из своих (нашего проводника) вместе с нами. Они, правда, остались после того, как наш проводник их окликнул, но все же они все время настороженно оглядывались и смотрели из-за углов домов, пока, наконец, один из русских из Холмогор, зимовавший здесь и меня знавший (два года тому назад он видел в доме своего свекра в Коле в Лапландии) не призвал их к спокойствию, рекомендовав меня как мирного торговца, который прибыл к ним для торговли.

Я опускаю дальнейшие описания взаимоотношений с жителями, поскольку, как нам известно из других отчетов, они свелись к тому, что англичанам было разрешено перезимовать в Пустозерске, с тем однако, что об этом будет сообщено в Москву. Я привожу далее лишь те выдержки из отчета Логана, которые являются дополнением к уже ранее сообщенным сведениям.

23-го было так холодно, что озеро покрылось льдом, а по реке гнал лед, который повал все сети. Не было поймано семги даже для собственного пропитания.

2-го сентября погода смягчилась, потеплело.

14-го октября был такой холод, что озеро в одну ночь покрылось льдом. На следующий день ледяной покров уже выдержал вес человеческого тела.

24-го ноября многие из местных жителей, по крайней мере, на 70—80 оленьих упряжках уехали в селение, называемое «Слободка» (*Мезенская слободка — город Мезень*), где должна была быть сначала по средину декабря ярмарка. Они взяли с собой на ярмарку речную рыбу. Виллиам Пурзглов присоединился к ним для поездки в Россию.

4-го декабря местные жители отправились в Югорию для торговли с самоедами.

11-го Мармадук Вильсон утверждал, что видели солнце; это однако был лишь солнечный отблеск, как это я и сам наблюдал 18-го числа.

14-го была снежная и пуржливая погода, продолжавшаяся до 24-го числа.

25-го в день Рождества я увидел опять появившееся солнце.

26-го опять буран и пурга, продолжавшаяся до конца месяца.

5-го января вернулся из Холмогор обратно Виллиам Пурзглов.

12-го сюда был доставлен приказ патриарха, которым назначался всеобщий пост — даже для грудных детей. Пост должен начаться 14-го и продолжаться 3 дня, в течение которых нельзя было принимать ни пищи, ни питья, за исключением воды. Матери не имели права кормить своих грудных детей и только если бы кто-нибудь из грудных детей ослабел, разрешалось дать сосать соску и пить немного воды.

19-го вернулись обратно уезжавшие в Югорию. Поездка их оказалась неудачной, т.к. самоеды начали друг с другом воевать: поэтому купцы не решились направиться в Мангазею, где закупаются большая часть соболя, направляемого в Россию.

23-го прибыл Каррачей — вождь самоедов (видный самоед рода карачея или харуце). Однако его спутники не могли из-за войны продать своих товаров. Они не имели возможности ни заключать с мангазейскими самоедами торговые сделки, ни заняться там охотой, что они обычно делали.

13-го у меня обедал вождь Каррачей и многие из его сородичей, он мне рассказал, что в продолжение двух лет подряд у Вайгача были видны корабли (*несомненно, голландцы под командой Корнеллиуса Нат и Баренца 1594—1595*); они, однако, завидя корабли, бежали (*что видно также и из голландских отчетов*), т.к. русские их уверяли, что их убьют или же захватят в плен.

У меня создалось впечатление, что они остались очень довольны нашим отношением к ним и угощением, которое мы им предложили. При более близком знакомстве с ним я убедился, что они все же очень боязливы и недоверчивы.

2-го февраля большая часть самоедов направилась с их товарами в Слободку (Мезень) отчасти для того, чтобы там сделать свои торговые дела, отчасти же для того, чтобы заключить договор с самоедами Калленоса (*Камин Нос*). Летом они были во враждебных отношениях и убили одного или двух канинских. Теперь же они хотели дать выкуп за многих своих, которых их противники взяли в плен.

20-го у меня была беседа с одним русским по вопросу о торговле с Мангазеей. Этот русский был первым, испробовавшим морской путь в Мангазею. Он проделал этот путь дважды, и никто кроме него не был так далеко на востоке.

1-го марта русские отправились отсюда в Россию с некоторыми из закупленных ими товаров.

12-го и 13-го я определил с помощью квадранта широту Пустозерска, которую я,

учитывая склонение магнитной стрелки, определил равной $68^{\circ}30'$ до $35'$ (по определению Иванова $67^{\circ}32'$).

11-го апреля вернулись обратно ездившие в Слободку. Они привезли с собой рожь в зерне, ржаную муку и прочие продукты.

22-го вскрылся лед вдоль берегов Печоры.

23-го солнце уже не опустилось ниже горизонта.

24-го вскрылся лед на Печоре.

26-го я направился в Усть-Цильму, куда я прибыл на четвертый день. Усть-Цильма представляет собой село с 30—40 домами и лежит на $66^{\circ}30'$ северной широты (по Крузентерну $65^{\circ}26'$). Здесь занимаются земледелием, сеют как ячмень, так и рожь, причем местный ячмень очень хорош и такой белый, почти как рис.

9-го июня я выехал обратно из Усть-Цильмы в Пустозерск, куда я прибыл 11-го июня.

21-го отсюда ушло 17 сойм (лодок) в Мангазею. Некоторые из них принадлежали местным жителям, другие же прибыли из Усть-Цильмы, Мезени и Пинеги.

22-го многие лодки отправились в море на лов омуля и для охоты на белугу.

24-го я отправил Виллама Пурзглова в море закупить у охотников тот рыбий жир, который им бог пошлет.

5-го июля я в беседе с одним русским узнал, что при попутном ветре по реке Печоре в течение 3-х недель можно достичь реки Оузы (*Усы*), далее, поднимаясь по реке Усе достигают «Подкамень» (*Уральские горы «под камень» выходят, т. е. достигают гор*) и оттуда оленями в 8 дней достигают Оби. Он сказал мне также, что от Пустозерска до Ваде в Югории («до воды в Югории», т. е. «до рек восточного склона Урала»; выражение «до воды» автором было однако понято как наименование какого-то населенного пункта в Югории), которое лежит по эту сторону Оби, достигают на оленях в течение одного месяца; по ту сторону Оби лежит Носова (Обдорск, который и сейчас еще называется Носовой городок, или попросту Носовой), до него, однако, 2,5 недели пути легкими санями или почтой.

5-го августа я с моим слугой (Мармадук Вильсон) отправился на борту ладьи в Глоубок (Глубокая губа), где нас ожидал Виллиам Пурзглов с закупленным жиром.

12-го я с помощью квадранта определил широту Глоубок, которая, учитывая склонение, оказалась равной $69^{\circ}12'$.

18-го мы покинули Глоубок и направились Сухим Морем к Завороту (Печорский — на картах «Русский заворот»), куда мы прибыли 21-го. Я определил здесь широту — примерно $70^{\circ}30'$.

27-го мы прибыли к острову, называвшемуся Мезиу-Шарри (Меж-Шарья — пролив между материком и островом Простой — подразумевается этот остров. См. Литке в немецк. переводе стр. 28), лежащему в 60 верстах восточнее Святого Носа и имеющего размеры 10 верст длины и 2 версты ширины.

28-го мы оставили Мезиу-Шарри при свежем ветре, который к ночи перешел в крепкий шторм. Северо-восточный ветер дул с такой силой, что мы не были в состоянии управлять парусами. Волнами нас погнало в бухту и выбросило на прибрежную отмель. Мы перенесли наш груз на берег и ежеминутно ожидали, что наше судно будет разбито в щепы. Но благодаря богу, когда прилив кончился, наше судно лежало нетронутым среди сухих песчаных банок, как в корабельной верфи. Буря, однако, продолжалась весь следующий день, и только 31-го утих ветер. Мы зачинили в нашей ладье получившиеся

пробои как смогли, перенесли груз опять обратно на борт и 2-го сентября пошли под парусами. В тот же день мы бросили якорь в устье реки Зеновея, где мы уже стояли в прошлом году.

Путешественникам пришлось еще дальше выдерживать борьбу с ветром и волнами. Им еще раз пришлось разгружать груз на берег с посаженного на отмель судна и заняться починкой утлого судна. Но они не теряли мужества и следовали далее мимо мыса Канина, Данилова столба и острова Сосновца до Архария (Архангельска) и Колмогро (Холмогоры), куда они прибыли 29 сентября.

Далее следуют короткие выдержки из двух писем, написанные Иосифом Логан с Печоры знаменитому Хаклупт (?). Ниже я даю из этих писем (содержат уже известные нам данные, а также фантазии о стране Катая), только интересные сообщения о том, что один из русских рассказывал, что он слышал от самоедов, что где-то в районе самоедских кочевен (где точно он не смог точно сказать), лет 60 тому назад туземцами было найдено некоторое количество минчинов (немчинов, немцев), похороненных в песке. В кармане одного из них были найдены дощечки с записями и разные другие мелочи, которые были взяты самоедами для использования. Не были ли это люди команды одного из кораблей несчастного Виллуоби, который во время первого путешествия англичан к северо-востоку был со своими двумя кораблями отнесен к Лапландскому берегу Белого моря и погиб в январе 1554 года в устье реки Ардина (Архангельск — Северная Двина) вместе со всей своей командой, состоящей из 70 матросов.

Погибли, вероятно, от голода или цинги. Его товарищ Ричард Чангчеллор, командовавший третьим кораблем, как известно, имел лучшую судьбу. Он счастливо высадился в Архангельске и в результате путешествия, к царскому двору в Москву явился основателем английской торговли в России. В 1560 году Чангчеллору было предложено доставить обратно в Англию еще находившиеся к тому времени у Лапландского побережья два корабля Виллуоби, однако, оба корабля преследовала их злая судьба: один потонул у Норвежских берегов, а другой (на нем были также русские купцы) во время пути отделился от других кораблей и никто никогда не узнал — какая постигла его судьба (см. морские путешествия Аделунга стр. 52 и 56).

Из записок Виллиама Пурзглова о том же путешествии на Печору и зимовке в Пустозерске в 1611 году (Том. III стр. 547—553)

23-го ноября я вместе с несколькими русскими, пермяками (зыряне из Ижмы или из Перми, которые вели торговлю в Пустозерске) и самоедами выехал из Пустозерска для поездки в Россию. Самоеды сопровождали нас в качестве проводников через горы, которые они называли «Камень» (Чайцин камень) и которые не представляют собой скалистого горного хребта (как в Норвегии), а являлись отдельными небольшими холмами среди довольно ровной болотистой местности.

Наш караван состоял из 200 саней — почти все с упряжкой из 2-х оленей. Так мы следовали вместе 2/3 пути, после чего мы отделились от общего каравана и с 4-мя санями и одним самоедом в качестве проводника направились без багажа в сторону Слободки (Мезень), куда прибыли 9-го декабря.

На следующий день я двинулся дальше, и меня в разных местах своих лошадей, ехал день и ночь, пока, наконец, не прибыл 12-го декабря в Холмогоры, где передал тогдашнему агенту английской компании письма, переданные мне г-ном Иосифом Логан, нашим доверенным в Пустозерске. Я пробыл здесь 4 дня, оставив Холмогоры 17-го, и вернулся обратно в Слободку 19-го. Последняя лежит на 65° северной широты (65°50'55" по карте Белого моря Рейнке). Здесь я пробыл до 22-го декабря — до тех пор, пока жители Пустозерска и пермяки не были готовы к обратному пути на Печору. Они везли с собой [.....] соль, а также кое-какую путевую одежду.

22-го на рассвете мы выехали с караваном в обратный путь. Этот путь был более легким, поскольку выпало много снега, который был настолько прочным, что везде выдерживал сани и оленей. Вместе с караваном (он насчитывал теперь около 250 саней) я ехал примерно две трети пути. Миновав город, мы с 8 лучшими оленьими упряжками 4-го января задолго до рассвета выехали налегке без багажа. Мы ехали целый день и всю следующую ночь (ночь была лунная), делая остановки на час там, где самоед — наш проводник, знал о наличии корма для наших оленей. 5-го января мы достигли Пустозерска, пройдя в 40 часов 350 верст. Наш караван прибыл в Пустозерск.

Самоеды в зимнее время являются единственными проводниками, которые знают путь от Пустозерска до Слободки, точно также до любого из лежащих восточнее пунктов — до Югории, Сибири, Мангазеи*. Они не только могут добираться до этих мест самыми тяжелыми путями, но и знают — где они найдут для своих оленей хороший корм (мох) — фактор, которым они руководствуются при выборе места ночевки, на которых они разбивают палатки из оленьих шкур. При нашем караване было 4 таких палатки, и каждая из них была настолько велика, что могла принять 20 человек. Разбивка палаток выполняется женщинами. В то же время мужчины распрягают оленей и выпускают их на свободу, чтобы они добывали себе корм из-под снега, который они всегда находят, несмотря на толщину снежного покрова. После этого самоеды запасаются из ближайшего леса для каждой палатки таким количеством топлива, сколько им нужно будет на все время остановки. После этого наполняются котлы снегом и подвешиваются над огнем. Когда снег растает, каждый сначала выпивает большую порцию воды, а на остальное в котелке варится похлебка. Во время еды в качестве питья идет опять-таки вода.

Мы располагались в палатке вокруг огня. Оленьи шкуры, разосланные на снегу, служили нам подстилкой. В течение всего нашего путешествия каждый из путников (будь то купец или пермяк) обязан был по очереди в продолжение одного дня из своих пищевых запасов кормить всех других участников путешествия, включая самоедов с их женами и детьми.

Слободка — красивый город. В декабре — январе здесь много посторонних. Богатые русские из разных местностей делают закупки за чистые деньги, другие же привозят с со-

* Под наименование Югории нужно понимать заселенный самоедами полуостров Ялмал. Сибирью нужно понимать южнее лежащую местность, которую достигают перевалами через горы и переправами через реки. Оба пути ведут в Молгомгею или Мангазею.

бой муку, ячмень, который они обменивают у приезжих из Пустозерска на рыбу (семга), белужий жир, олени шкуры и прочий меховой товар.

10 января 1612 года жители Пустозарска вернулись из торговой поездки к югорским самоедам, куда они выехали 25 ноября. Через три дня сюда приехало от 800 до 900 самоедов (*мистер Осиф Логан дает цифру самоедов, собравшихся в Пустозерске, (в письме Хаклупту) равной 2000 и в другом письме — 3000. Данные Пурзглова кажутся более правдоподобными. Возможно, что один считал только мужчин, второй же давал цифру всех прибывших, включая и семьи. Также и в датах писем наблюдаются небольшие расхождения, что может быть можно отнести за счет некоторой небрежности в ведении календаря*), которые по сравнению с прошлыми годами привезли с собой очень мало товаров. Причиной этому была война, которую вели между собой самоеды Югории и Мангазеи. Обычно же они жили друг с другом в мире и вели торговлю. Поэтому соболя, вследствие недостаточного количества, расценивались очень высоко, и все же русские их с жадностью закупали и нередко спорили с друг с другом из-за товаров. Мы же после того, как израсходовали то небольшое количество денег, которое у нас было, уже ничего в порядке обмена приобрести не могли. И в то же время русские (именно те, которые прибыли в Пустозерск для торговли) начали восстанавливать против нас не только жителей Пустозерска, но и самоедов. Последним они настойчиво отсоветовали вести с нами торговлю и вбивали им в голову, что мы их обманем и что мы не только превратим их в рабов, но и убьем, что мы прибыли в их страну для того, чтобы их окончательно истребить. Также и жители Пустозерска, восстановленные против нас пришлецами, стали опасаться, что мы будем конкурировать с ними в их торговле с Востоком. Они стали препятствовать нашим встречам с самоедами.

При посредстве нашего хозяина, который был поляком, все же мы имели возможность о многом говорить с самоедами. Хозяин при этом был переводчиком, да и мы кое-как, вперемежку с русским языком, пытались объясняться с самоедами. Таким образом, мы узнали о трюках русских и о враждебном настроении к нам большинства жителей. Некоторые из них утверждали, что мы шпионы, имеющие заданием предать их страну полякам и шведам (с которыми тогда русские вели войну). Поэтому они советовали нас утопить. Другие считали, что лучше нас высадить на песчаные отмели, где тоже в короткий срок погибли бы. Иные, наконец, считали наиболее подходящим нас передать властям, а имущество конфисковать в пользу государства. Однако большая часть виднейших жителей города (с которыми мы напрягали все силы поддерживать хорошие отношения) возражали против этих кровавых намерений, за что мы благодарили бога.

6-го марта жители Пустозерска опять отправились в Слободку и доставили туда русских (приезжих купцов) с их товарами.

11-го апреля они вернулись оттуда обратно.

21-го апреля на Печоре появилась первая вода.

20-го мая на реке взломался лед.

25-го многие из жителей отправились водой в Усть-Цильму.

26-го туда же направился в лодке Иосиф Логан, захвативший с собой некоторое количество шерстяных материй и медных котлов, которые он рассчитывал с выгодой продать. Прошлым летом один из тамошних жителей звал его приехать к ним зимою или же прислать кого-либо из своих. Он уверял, что там можно закупить большое количество лосиных шкур, замши, собольих и бобровых мехов и это действительно так бывало в прежние

годы, как мы это и знали из достоверных источников. Однако по его (Логана) прибытию, многие из жителей воспротивились, чтобы он высадился на берег хотя бы на 10 часов. Наконец ему разрешили высадиться (как мы думаем после того, как жители Пустозерска уже закупили большую часть товаров), так что он после 2-х дней был в состоянии в обмен на материю и медные котлы приобрести 9 лосиных шкур и 20 соболей. Главной целью его поездки однако было желание встретиться с некоторыми пермяками из Перми, которые почти каждый год приезжают сюда с рожью и с ржаной мукой. Он хотел поставить в известность пермяков о нашем нахождении в Пустозерске и договориться с ними о том, чтобы они ближайшей весной доставили бы в Пустозерск все свои товары — воск, мед, лосиные шкуры и меха*. Это удешевило бы им транспорт почти вдвое по сравнению с путем в Архангельск.

Усть-Цильма — красивый город (!) с 60 домами и находится от Пустозерска в 3—4 хода на парусах при попутном ветре против течения. Обратнo в Пустозерск по течению можно было на парусах добраться в 2 дня.

3-го июня вниз по течению Печоры прибыли на каюках** первые русские. Каюки — это небольшие лодки грузоподъемностью в 2 тонны и командой по 2 человека каждая.

20-го прошли мимо Пустозерска 3 русских котчен или соймас, направляясь из Усть-Цильмы в Мангазею. 7 других, в том числе одно судно, принадлежащее жителю Пустозерска, прошли мимо на следующий день, направляясь туда же. Однако, все остальные, предпринявшие путешествие прошлым летом 1611 года, в этом году его не возобновили.

23-го жители Пустозерска отправились на бой белухи к мысу Болванскому — высокому берегу материка на «Сухом море» — в 2-х днях хода на парусах от города.

25-го я последовал за ними в надежде сделать закупку хорошего белужьего жира. Однако надежда оказалась напрасной. Правда, здесь собралось около 50 лодок с 3—4-мя человеками на каждой, однако вследствие штормовой погоды, они ни разу в течение периода белужьего боя (т. е. до 20 июля) не могли выйти в море. Потеряв надежду на белужий бой, прибывшие охотники взялись за другое. Они занялись охотой на уток, гусей, лебедей. Обычно в этих местах они бьют этой птицы большое количество. От перьев и пуха они получают большую прибыль, мясо же, как зимний запас идет на засолку в бочках. Оно употребляется в пищу и летом в дни, когда нет поста.

Охота на белуху ведется с помощью гарпуна, прикрепленного к крепкому шнуру длиной от 90 до 100 фатомов. Один конец шнура закреплен на стержне длиной 2 или несколько более ярдов, другой же прикреплен к гарпуну. Как только животное приближается на такое расстояние, что его можно загарпунить, гарпунщик бросает гарпун и отпускает весь шнур так, что у него в руках остается лишь стержень (*это оружие у мезенских*

* Эти ошибочные расчеты англичан являются результатом их незнания географии местности. Как видно из отчета, он считал, что Пермь расположена очень близко от Усть-Цильмы.

** Под наименованием «каюки» англичане подразумевают, по-видимому, не только те судна, которые и теперь называются каюками, но и сопровождающие их более мелкие паузки. Суда, на которых совершались поездки в Мангазею (со времен название их «лодья») они называли «котчен» или «соймой». Обычные для Печоры и вообще Архангельского севера карбазы также, по-видимому, тогда не носили современного названия, т. к. это название в цитируемых отчетах не встречается. Только позднее, в результате общения с моряками запада, возникло слово «карбаз», в результате перестановки слога из слова «баркас».

охотников носит название «кутило с зазуброю»). Животное мечется по дну до тех пор, пока оно не выбьется из сил. Шнур мало по малу подтягивается и таким образом жертва выводится на поверхность. Если животное еще живо, то в него бросается еще один гарпун. С убитого животного кожа вместе с жиром срезается ремнями шириной равной, примерно, двум ладоням. По возвращении на берег, охотники соскабливают жир с кожи и вытапливают его. Мясо же выбрасывают в дар морской птице. Если оно будет найдено самоедами из бедняков, то даже если мясо уже подверглось порче, они его подбирают, вялят и готовят из него себе и своей семье хорошую еду.

Одна белуха дает до 3-х бочонков топленого жира (шиллига — как называют его охотники). С более мелкого животного получают два или только один бочонок. В это лето все лодки, вместе взятые, из-за не прекращавшейся штормовой погоды, забили только около 40 белух. Некоторые лодки забили по 3 белухи, другие же (это было большинство) — ни одной.

9-го августа из города на ладье прибыли г-н Иосиф Логан и Мармадук Вильсон для поездки в Россию. Они бросили якорь в Глоубук («Глубокая губа»), которая является глубоким местом на реке, вернее всего в ее расширенном устье. Здесь мы оставались 10 дней и готовили топленый белужий жир, люди же на ладье занимались засолкой омуля и сига, укладкой в бочки и дожидались попутного ветра.

18-го августа мы вышли из Глубокой губы под парусами, направляясь в «Сухое море» и сначала держались северо-северо-восточного направления.

Далее путешественник рассказывает о полном тяжелых испытаний путешествии в Архангельск, во время которого они сели на песчаную отмель у Промой коской (Промойная кошка), почему им пришлось разгрузить товары на берег, чтобы снять судно с мели. Плывшая вместе с ними другая ладья (другого владельца) в то же время разбилась у берега. В утлой посудине, на которой беспрестанно должен был действовать водоотлив, они пересекли морскую бухту Чоша.

У Крестового становища они опять сели на отмель и были моменты, когда они сомневались в своем спасении. Опять им пришлось разгрузить судно, забить пробойны мхом и старой одеждой. Чтобы облегчить судно, они направили одну лодку с соленой рыбой (8 бочек) обратно. В Белом море, наконец, они сели со своим судном в окрестностях Данилова столба на Терском берегу на скалистое дно. Здесь они задержались на 10 дней (по-видимому, для починки судна) при этом половину времени на суше. Наконец, с приливом они оставили побережье и достигли Архангельска и Холмогор, где у них были и помещения и склады компании. Здесь они пробыли всю зиму 1612—1613 годов. В 1913 году лед на Двине разломался 23 апреля.

Дальнейшие замечания Виллиама Пурзглова (том. III стр. 550—551).

Если подниматься вверх по реке Таз в течение двух суток, то достигаешь местности, которую русские называют Мангазея, где они построили город и крепость и где собираются все охотники с пушным товаром. Сюда также приплывают на своих соймас (название судна) русские и жители Пустозерска с мукой и другими товарами. После того, как они все продадут или же обменяют, они уезжают обратно кто в Пустозерск, кто в Россию.

На земле Югории и Наремзен (полуостров Ямал) известны три реки, около устья которых и у мыса Наремзен (крайняя оконечность полуострова) держится большое количе-

ство моржей. Жители Пустозерска осенью сюда направляют обычно одну ладью с различными товарами для торговли с югорскими самоедами, а также для попутной охоты на моржей, от которого они берут только клыки. Однако в течение всей зимы они разъезжают по самоедским становищам, ведут торговлю и только в январе возвращаются обратно. В годы, когда своевременно не устанавливаются благоприятные ветры, как это было в 1611 году, они отказываются от морского пути. Однако, как только устанавливается первая санная дорога, некоторые из состоятельных жителей Пустозерска, их сыновья и доверенные, отправляются к самоедам с товарами. Зимой к ним присоединяются также... или друзья, так что все меха и весь другой товар закупается.

Когда русские направляются в Мангазею для того, чтобы достигнуть устья Оби, они не обплывают мыса Наремзен, а поднимаются по одной из более близких рек, называемой «Местная река». Перед тем, как достигнуть реки Таз, сначала добираются до реки, называемой Поуер (*Пур*) или Пит, где бьются лучше соболя во всем районе Мангазеи. По Тазу плывут под парусами до Волчанки*, до тех пор, пока не достигнут волока через тундры шириной в $\frac{1}{2}$ мили. Через этот волок русские и пустозерцы перетаскивают свои лодки в другую реку Торовхан (Турухан). Спускаясь по этой реке в течение 3-х дней, достигают мощной реки Енисея (Енисей). При впадении Торовхана лежит остров, на котором находится маленький город и церковь (*городок Туруханск*). Спускаясь вниз по реке, достигают еще одной большой реки Хаургик, которая течет на восток.

Река Тингусси** находится в расстоянии трех дней и трех ночей плавания по реке Енисей. В устье Енисея нет никаких лесов, однако большие леса известны по реке Тунгусске. Между устьем Енисея и рекой Тунгусской впадают две или три речки. Однако они не так широки, как эта последняя. На ней русские занимаются рыбной ловлей. Однако, как только наступают морозы, они возвращаются к своему обычному ремеслу — к охоте на соболя, бобра и лисиц. После того, как они, таким образом, занимались промыслом в течение двух лет, те из них, которые являются хорошими хозяевами, возвращаются обратно в Россию, хорошо обеспеченными и больше не предпринимают такого путешествия во второй раз, разве только пожар лишит их ихнего имущества.

*Дальнейшие заметки Пурзглова для нас представляют мало интереса. В них имеется: Очень краткое описание путешествия с Печоры вверх по Усе в Югорию и к Оби***, т. е. то, что уже имеется в других отчетах. Лишь на одном я останавливаюсь — это на имеющемся также и в других материалах, указания о каком-то загадочном населенном пункте Ваде (стр. 15) в Югории. Пурзглов пишет: «Это маленький город, дома которого построены под землей». Быть может, это были остяцкие юрты — первые человеческие жилища, встреча-*

* Река Волочанка вытекает из небольшого озера и впадает в Енисей в районе Туруханска. Таким образом, надо полагать, что поднявшись по Тазу и по показанным в отчете речке, достигают волока, по которому перетаскивают судно в речку Волочанку.

** Тунгусска — из 3-х рек этого названия — это может быть только Подкаменная Тунгусска, что вполне согласуется с данными в отчете расстояниями, а также с указаниями об соболином промысле на реке, наконец. С упоминанием об каменной местности, что может быть только на Подкаменной Тунгусске.

*** На карте Позднякова действительно дано три реки — Батк, Нижняя Тунгусска и Курейка.

ющиеся путешественникам «на воде в Югории», что чужеземцами, плохо понимавшими русских, было понято, как название города Ваде — название, которое ни в каких других отчетах, точно также как и в настоящее время, во всей местности неизвестно.

В той же главе имеются указания на многие населенные пункты в Западной Сибири. Сообщается, между прочим, что Алтын-Хан доставлял серебряные слитки на ярмарку в Сургут для продажи. Из этого сообщения можно заключить, что тогдашним джунгарам богатые серебряные руды Алтая («закамское серебро», согласно нашим старым исследователям, привозившееся новгородцами с сибирских базаров, были также хорошо известны, как и чуди. 2 и 3) Следует перечень европейских товаров, которые с выгодой продавались ан Печоре, в Перми, Сибири, Югории и среди тунгуссов.

Дальнейшие замечания Виллиами Гудрона из Гулля о его зимовке в Пустозерске в зимы 1614—1615 гг. и описание быта самоедов.

Большой частью этого сообщения касается зимней поездки автора, совершенной им из Пустозерска к самоедам через Большеземельскую тундру. Целью этой поездки было селение (или как автор называет городок на Усе) под названием Роговой-городок, где русские тогда вели обменную торговлю с самоедами.

К сожалению, в дневнике дающиеся сведения сводятся главным образом только к описанию направления дороги и пройденным расстояниям, а также к указаниям названий рек, которые были пересечены при пути. Предоставим, однако, слово путешественнику, внеся в его описания лишь исключение в указаниях направления ветра, которые он, как истинный моряк, ежедневно фиксирует в своих описаниях и которые мы опускаем, как несущественные. Расстояния здесь, как и в других отчетах, как правило, даются в милях, причем подразумеваются морские мили, равные 1,74 русской версты.

20 ноября (1614 года) я оставил Пустозерск для поездки в Югорию. Мы ехали большую часть ночи в ВЮВ направлении до тех пор, пока не добрались до одиноко стоящего чума.

21-го и 22-го мы продолжали нашу поездку в том же направлении и проехали от города теперь 59 миль.

23-го мы проехали 24 мили к ВЮВ и в обед пересекли речку Кои (Куя), впадающую в Печору в 14 морских милях севернее Пустозерска.

24-го мы проехали около 10 миль в ВЮВ, 25-го от 10 до 12 миль.

25-го вечером мы пересекли речку Шапкино, которая имея южное направление, впадает в Печору на половине расстояния между Пустозерском и Усть-Цильмой. Мы проехали 15 миль в ВЮВ направлении.

27-го в течение всего дня была такая сильная пурга при ЮЗ ветре, что мы еле-еле видели впереди себя дорогу, но все же мы проехали 18 миль к ВЮВ.

28-го утром мы проехали речку Ноугородку (Новгородка мне неизвестна), которая имеет ЗЮЗ направление и впадает в Шапкино, в 6 днях езды выше Усть-Цильмы. Мы прошли 15 миль при пурге, которая продолжалась при ВЮВ ветре.

29-го та же самая пурга при южном ветре и не холодно. Мы проехали к ВЮВ 20 миль.

30-го очень холодно. После обеда мы пересекли реку Хабеага (Хабий-Яга, т. е.

«Остяцкая речка»), которая впадает в Печору в 6 днях езды выше Усть-Цильмы. Длина сегодняшнего пути 20 миль.

1-го декабря настолько сильная пурга при восточном ветре, что мы не могли продолжать путь и целый день лежали.

2-го мы проехали 10 миль к ВЮВ.

3-го утром очень тепло, однако после обеда страшный холод при северном ветре. Мы пересекли реку Хариену (*Хорей-Яга*), которая ЮВ впадает в Колуой (*Колву*) и прошли за день к ВЮВ около 15 миль.

4-го теплая погода. Мы прошли к востоку 20 миль и достигли к ночной остановке реку Колуой (*Колва*), которая имеет южное направление и впадает в Усу.

5-го мы проехали по реке от 6 до 7 миль к востоку, местами к северу и доехали до места, где река делится на две части: одна — текущая с СВ (*главная река, носящая название Колва и принимающая слева Сандибей*) и другая Сандауецс (*Сандибей*). Наш путь лежал между обеими речками к В и Ю на протяжении 12 миль. Наша ночная остановка — на равнине, на которой не было видно леса.

6-го — Николин день, который у русских является большим праздником. Утром они принесли в чум иконы, зажгли перед ними восковые свечи и читали молитвы, как это требовала их вера. Я подарил им бутылку водки, от которой они так напились, что не могли управлять оленями. Я сел на их место и целый день правил упряжкой, ориентируясь по компасу. Мы прошли к ЮВ около 20 миль.

7-го была очень хорошая погода, однако дальше ехать мы не могли, т.к. наши проводники целый день лежали от похмелл (*похмелья*).

8-го хорошая безветренная погода. Наше продвижение за день с ЮВ до В — 10 миль. Наш ночной лагерь у небольшого притока реки Сандибей.

9-го такой холод, что мы должны были принять меры, чтобы себя защитить от холода — целый день мы шли пешком. Путь пролегал по равнинам без леса. Прошли мы 15 миль к ЮВ. Наш ночной лагерь — на опушке леса.

10-го сильный мороз — остановка.

11-го все еще страшно холодно, но все же мы двигались далее. Из нас только немногие обошлись без того, чтобы не обморозить какой-либо части лица. Несмотря на то, что я был защищен лучше многих других, все же чтобы защитить себя от мороза, я должен был идти пешком. Наша проходка за сегодня — 15 миль к ЮВ до В.

12-го настолько сильный мороз, что не было возможно выйти наружу. Остановка на целый день.

13-го уже не такой сильный мороз. За день мы прошли к ЮВ до В около 20 миль и пересекли к ночи реку Хоседа, которая ЮВ впадает в Ацуа (*Адзьва — Чудско-финское название Хырмора*).

14-го южный ветер, снегопад и не так холодно. Наш путь пролегал через леса. Пройдено к ВЮВ около 20 миль.

15-го мы проехали к ВЮВ 20 миль и к обеду пересекли реку Ацуа (Адзьва), которая направляясь к югу, впадает в Усу.

16-го утром мы подошли к высокой горной вершине по названию Янгода (*отроги хребта Адак, являющиеся водоразделом между речными системами Хырмор и Хузьмор*), когда мы добрались до вершины, южный ветер переместился на северный и началась такая пурга, что наши проводники не могли найти дорогу и блуждали, пока с трудом не добра-

лись до вершины. Вечером мы пересекли речку Роговая меньша (*Роговая меньшая — приток р. Роговая Большая, последняя носит также название Хузьмор*), которая южнее впадает в Усу, где мы после 20 миль пути в направлении ВЮВ остановились для ночлега.

17-го ясная мягкая погода. Наш путь пролегал через перелески с глубоким снегом. Мы достигли открытой равнины, называвшейся Коррепин тундра (*Коренная тундра*), где мы остановились на ночлег, продвинувшись за день 15 миль к ЮВ до В.

18-го наш путь пролегал через леса. Проехав 30 миль в ВЮВ направлении, мы достигли на реке Роговая Большая (*Роговая Большая селения Городок, где русские вели меновую торговлю с самоедами (это был Роговой городок)*).

Вышеназванная река, делая многочисленные излучины, южнее впадает в Усу. Здесь я оставался до 6 января. 14 декабря я определил своей мензулой высоту полюса при высоте солнца над горизонтом 2° и отклонения компаса 20° — откуда получается широта Городка $65^\circ 48'$.

16-го января 1615 года путешественник оставил Роговой городок и тем же самым путем направился обратно в Пустозерск. Его отчет — скучное повторение всего предыдущего только в обратном порядке. 19-го того же месяца, после безостановочного пути в течение 14 дней, он прибыл в Пустозерск. Расстояние от Пустозерска до Рогового городка он оценил в 150 миль (281 русская верста).

Дальше он сообщает о следующем.

30-го апреля в 1615 году в Пустозерске начался паводок на реке Печоре, который к 18 мая достиг своего максимума. Вода стояла так высоко, что многие из жителей вынуждены были покинуть свои дома, что имело место и у нас — в нашей спальне вода поднялась на высоту 1 фута. 20-го вода постепенно стала сбывать и, наконец, совсем спала.

9-го июня мой слуга Мармадук Вильсон вернулся из Усть-Цильмы, где он зимовал.

Он привез с собой товары, которые он там смог закупить: соболей, *vielfrasse*, волчьи шкуры, *hermelin*, замшу и проч.

15-го мы нагрузили 3 ладьи товарами и направились к Глубокой. Сам я оставил Пустозерск 23-го с двумя груженными судами и достиг Глубокую 25-го, где я определил 28-го широту равную $67^\circ 57'$ при склонении компаса около 18° .

Теперь заботы путешественников свелись к тому, чтобы доставить закупленные в Пустозерске товары на корабль, который дожидался у бара Печорской бухты. Эта работа, имевшая много помех, как, например, ветер и плавающий лед, была, наконец, закончена. По-видимому, они хорошо использовали свою зимовку в Пустозерске, т.к. потребовалось не менее 10 ладей или лодок, чтобы перевезти весь груз на корабль.

21-го августа они отвалили под парусами, и 23-го сентября корабль уже вошел в Дорт в Голландии.

Таким образом, как будто автор на этот раз вел дела в Пустозерске за счет голландских купцов.

Далее следуют его заметки о самоедах, которые мы полностью приводим:

Верхняя одежда, которую самоеды носят в дороге — называется парка (*название остяцкое, принятое тогда также и у русских наименование совик*) и изготавливается обычно из

оленьего *vielsrasse* песцового меха. Парка носится мехом наружу. Под парку одевается так называемая малица, которая изготавливается из мехов молодых оленей, зайца и лебединого пуха. Эта одежда очень мягка и приятна. Шапки делаются из двойного бобрового меха* с двумя наушниками, которые подвязываются под подбородком. Штаны делаются из оленьего меха — мехом вовнутрь. Из оленьего же меха делаются носки или чулки, на которые надеваются длинные сапоги, так называемые пемы (*пимы*), изготавливаемые из меха с ног оленей.

Так одетые сидят они в санях на оленьих шкурах с подогнутыми ногами. Упряжка из двух оленей мчит с такой быстротой и так долго, что тем, кто не испытал сам, кажется невероятным. Налегке (без багажа) они могут пройти без остановки и сна 200 миль (343 верст) в 24 часа.

Однако, при поездке с аргишем или сведенными в поезд санями — 30 миль в 12 часов. Ведут аргиш** (*по 10 саней с упряжкой по одному оленю — каждый олень привязан к заднему нарту передних оленей*) обычно женщины, в то время как на обязанности мужчин лежит заготовка топлива и охота в пути. Обязанности хозяйки — постановка чума, в котором всегда имеется священное место, переступать границы которого женщинам запрещается. Женщины не имеют права также обходить кругом чума и, если это случайно бывает, то самоеды немедленно бросают место стоянки и переходят на новое. У них есть поверие, что если они этого не сделают, то их разорвут волки или медведи.

Чум представляет собой следующее: сначала ставятся длинные пихтовые жерди, затем на жерди натягивается 6 полотнищ из двойного оленьего меха. Наконец к внешней стороне конуса чума на высоту, примерно, одного ярда подваливается снег кольцевым валом. Вверху имеется выход для дыма. Внутри раскладывается огонь и расстилаются олени шкуры, на которые садятся и ложатся. В таком чуме тепло, как в русской бане. У самоедов нет ни городов, ни вообще постоянного местожительства. Они передвигаются со своими оленями от одного места к другому, в поисках наиболее богатого моха — как пищи для своих оленей.

Жен своих они покупают за оленей, и богатые самоеды имеют их по 4 или 5. С которыми они спят по очереди. Наиболее богатым является тот, у которого больше всего оленей, или же много дочерей, которых он и продает, дающим наиболее высокую цену. Их свадебные обычаи несложны. После того, как договорились о цене, для друзей устраивается праздник, на котором девушка, обвешанная железными кольцами и латунными колокольчиками, передается мужчине, который купил ее.

После этого все оставляют чум и молодая пара остается в нем вдвоем до утра и после этого они уезжают. Однако, если это богатые самоеды, то празднества продолжаются 7 дней. Часто бывает, что самоед через полгода или через год отдает обратно свою жену ее родителям, причем он получает обратно уплаченных за нею оленей и теряет только приплод, а также возмещает расход по свадебному пиру, который, как правило, идет за счет отца невесты.

* Многие писатели старых лет, кажется, принимали за бобровый мех меха выпоротков. Из которых делаются шапки самоедов западной тундры.

** Теперь запрягается, по меньшей мере, по 2 оленя в каждые сани и я ни разу не видел саней, запряженных одним оленем, как это практикуется у лапландцев с их совершенно отличной упряжкой. Как будто самоеды внесли изменения в характер запряжки — вопрос очень существенный для бродячих народов. Но что за причина этого изменения обычая?

У них нет представления об истинном боге. Они поклоняются многим богам и изображениям демонов, которым в жертву приносят домашних оленей. Идолов они мажут жертвенной кровью, мясо же съедают сами.

Когда умирает богач, то его друзья убивают 3-х оленей, которые должны его обслуживать на том свете, чтобы он там не ходил пешком. Также душат одного раба, чтобы он обслуживал на том свете умершего. Оленей, предназначенных для целей обслуживания умершего, убивают, загоняя им в зад заостренный кол, причем эта операция сопровождается громким криком и воем. Раба они хоронят вместе с его господином. Оленей съедают в сыром, варенном или жареном виде — как кто хочет.

Если умирает ребенок, не старше 14 их лет — что составляет 7 наших годов (?), то его труп подвешивают к дереву и говорят, что он должен идти на небо.

Если между двумя людьми возникает спор, который не может быть разрешен, то один из спорящих должен дать клятву, которая произносится следующим образом: из снега делается человеческая фигура, дающему клятву дают волчий нос и меч (*нож?*) в руки. После этого он перечисляет всех своих друзей по имени и высказывает желание, чтобы они также были бы разрезаны на куски, как он это сейчас делает со снежной фигурой — что он и выполняет немедленно своим мечом. После этого ему передают волчий нос и он высказывает желание, чтобы волк разорвал всех его оленей и он никогда бы в жизни не поймал ни одного дикого оленя, если он говорит неправду. Он разрезает после этого волчий нос, чем и заканчивается обряд клятвы.

Самоеды, по характеру, горячие и быстро возбуждающиеся. Они небольшого роста, но очень широкоплечие. У них широкое лицо и глубокосидящие глаза. Они имеют выдающиеся скулы. Их обычное оружие — лук и стрелы (которые очень опасны), далее копья (наконечники изготавливаются в Мангазее другим самоедским племенем) и, наконец, короткий меч, несколько похожий на употребляемые в..?

Когда они хотят узнать о будущем, они посылают за своим колдуном, у которого имеется связь с чертом. Он садится в определенном месте чума, перед лицом имеет кусок кольчуги, весь обвешан колокольчиками и медными кусочками, в правой руке у него большой барабан из волчьей шкуры, бьет он по нему заячьей лапой и при этом поет очень печальным тоном песню, которой он вызывает черта, чтобы задать ему вопросы.

Когда заклинание закончено, в жертву приносится олень, мясо которого съедают.

Женщины у них очень закалены. При родах роль повивальной бабки исполняет муж. Ребенок при рождении оmyвается холодной водой или обтирается водой, а на следующий день мать уже в состоянии вести оленей поезд.

(Перевод с немецкого В. П. Артемьева).

От редактора-составителя

История заповедания геологических объектов (по англоязычной терминологии — геоконсервации) начинается во второй половине XIX в., когда в США по инициативе геолога, профессора Гейдена были созданы первые национальные парки Йосемитский (1863 г.) и Йеллоустонский (1872 г.), важнейшими сохраняемыми объектами которых были геологические. В первом — это долина Сьерры Невады, имеющая 70 км в ширину и 80 км в длину, с отвесными скалами до 4000 м высоты и девственными лесами, во втором — главную достопримечательность составляют гейзеры и могучие водопады. В России (в СССР) первый геологический (минералогический) заповедник был создан по инициативе геолога Н. М. Федоровского в Ильменских горах на Южном Урале в 1921 г.

С тех пор практика и наука сохранения природных объектов прошла большой путь развития как в организационном, так и в концептуальном отношении. В 1972 г. ЮНЕСКО приняла «Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия». Суть конвенции можно сформулировать очень кратко: все ценное, уникальное, созданное и природой и человеком, должно быть сохранено для будущих поколений. Почти через двадцать лет, в 1991 г., в г. Динь (Франция) состоялся Первый Международный симпозиум по сохранению геологического наследия, после которого в международный геологический лексикон вошло понятие «природное геологическое наследие». В 1993 г. на симпозиуме «Geosconservation in Europe'93» в г. Митвиц (Германия) была учреждена Европейская ассоциация по сохранению геологического наследия (ProGeo). В 1997 г. была образована российская рабочая группа ProGeo (представитель России А. В. Лапо являлся членом Ассоциации с момента ее учреждения). Геологи всего мира осознали необходимость охраны геологического наследия, относящегося к категории невозполнимых природных ресурсов и являющегося информационной базой геологии.

Деятельность ProGEO направлена на сохранение и использование для научных и образовательных целей объектов геологического наследия (ОГН), имеющих научное и историко-культурное значение. Для этого осуществляется: а) выявление, классификация, ранжирование и документация ОГН на унифицированной основе; б) организация и проведение научных исследований на ОГН; в) продвижение скоординированной политики геоконсервации; г) образование населения в области изучения и сохранения геологического наследия; д) обмен идеями и информацией по геоконсервации путем проведения симпозиумов и конференций.

С 1995 г. на сайте ProGeo размещается международный информационный интернет-журнал «ProGeo News», а с 2009 г. издаётся научный жур-

нал «Geoheritage». Ряд стран (Великобритания, Польша и др.) издаёт национальные журналы по геологическому наследию. В России нет специализированного периодического издания по этому направлению. Достаточно многочисленные статьи по геонаследию публикуются в журналах геологической и экологической направленности, в материалах конференций, в монографиях.

В 2007 г. в Институте геологии Коми НЦ УрО РАН состоялась научно-практическая конференция «Изучение, сохранение и использование объектов геологического наследия северных регионов (Республика Коми)». Организаторами конференции выступили Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми, Российская рабочая группа ProGeo. К конференции была издана серия из шести выпусков информационных материалов «Геологическое наследие Республики Коми»: «Сосновский. Геологический памятник природы», «Пещеры», «Разрез палеозоя реки Кожим — объект всемирного геологического наследия», «Лек-Из. Геологический памятник природы», «Историческое, культурное и природное наследие села Ыб», «Объекты геологического наследия Южного Тимана». Эти брошюры оказались востребованными не только у специалистов-геологов, но и у туристов, учителей, школьников, экскурсоводов.

В рекомендациях конференции было высказано пожелание продолжить выпуск серии информационных материалов «Геологическое наследие Республики Коми» и в перспективе создать специализированное региональное периодическое издание. К сожалению, решение организационных проблем затянулось на несколько лет.

Представляю читателю первый выпуск журнала «Геологическое наследие северо-востока Европы. Россия». Предполагается, что на его страницах будут обсуждаться вопросы касающиеся:

- природного геологического наследия;
- геологических, палеонтологических, минералогических, горных музеев и коллекций;
- судеб геологов;
- истории геологических открытий, горных производств и технологий.

О ближайших планах: до конца 2015 г. выпустить еще один номер журнала; с 2016 г. выпускать по четыре номера в год. Надеюсь, что журнал в самое ближайшее время обрстет редколлекцией, правилами предоставления материалов и прочим антуражем, характерным для специального журнала, а самое главное — заинтересованным Читателем.

Надеюсь, что журнал послужит консолидации и координации работы по сохранению уникальных природных геологических объектов, геологического разнообразия и памяти о людях, изучавших северо-восток европейской части России.

П. П. Юхтанов

Родовой герб
фон Шренков

Издано за счет средств действительных членов РГО
Н. Н. Герасимова, Е. С. Немцева.
Распространяется бесплатно.

Тираж 150. Заказ 969.
Издательско-информационный отдел Института геологии Коми НЦ УрО РАН.
Сыктывкар, ул. Первомайская, д. 54.